

для той исторической роли, которую суждено было сыграть алхимии в развитии культуры европейского средневековья, ибо *показание глубин души подлинней конструкций рассудка*, о чем пространно толкует Тертуллиан (II—III в.) в трактате «О свидетельстве души» (там же, с. 153). Такова эта алхимия. Таковы последние ее века.

Отлетевшие символические химеры оставили, однако, на дне алхимического горна все необходимое для новой химии и наукоучения в духе Френсиса Бэкона.

Несколько еще алхимиков, но уже и химиков. Это последний мостик к химии Бойля — Лавуазье.

Андрей Либавий (XVI—XVII в.). «Алхимия» — главное его сочинение (Libavius, 1597.) Первый раздел этой книги содержит описание *химической посуды, химических аппаратов, нагревательных приборов*. Здесь же дан проект идеальной химической лаборатории. Алхимия, как ее понимает Либавий, — наука практическая, складывающаяся из двух взаимосвязанных частей.

I. Энхерия (греч. ἐνχέρια — вручение). Описываются *методы оперирования с веществами*. Дается описание *свойств веществ*. Эта часть в свою очередь слагается из *обработки (elaboratio) — приемы воздействия на вещество; и активации (exaltatio) — созревание (мацерация, или матурация) вещества и градация вещества (усиление его действия)*.

II. Собственно химия как наука получения веществ (*простые вещества: магистерии, металлы и их соединения; экстракты: водные извлечения из растений, или эссенции; водка, настойки, соли, щелочи, кислоты*). Этот раздел завершается описанием *способов получения сложных лекарственных смесей*.

Либавий — экспериментатор. Он впервые получил хлорное олово *действием олова на сулему — «дымящийся спирт Либавия» (spiritus fumans Libavii)*, купоросное масло («купоросный спирт») — *прокаливанием квасцов, купороса и серного масла; сжиганием серы и селитры*.

Либавий, назвавший главное свое сочинение «Алхимией», — в сущности уже не алхимик. Лейтмотив алхимии Либавия — практика, вторгающая-

ные идеи, державшие в порабощении значительную часть образованного человечества, эти учения, пожалуй, имеют большее значение для истории культуры, нежели для истории химии» (1899, с. 49). З. Цейтлин как бы продолжает: «Эти сумасбродные преувеличения уже весьма далеки от сравнительно скромных эллинистических и арабских опытов над изменением цвета и веса металлов. Но как раз эта фантастическая темнота, эта сила чудодейства соответствует духу средневековья» (1931, 10, с. 73).

Если только оставить в стороне эмоциональную оценку Мейера, можно сказать, что такая характеристика алхимии позднего средневековья скорей подошла бы к фарсовой, действительно реликтовой алхимии XVIII века. Верно, что история алхимии — часть истории культуры. Но и часть истории науки, истории химии. Этого Мейер в алхимии средневековья не видит. Что же до Цейтлина, то его мнение о соответствии поздней алхимии духу средневековья нуждается в поправочном коэффициенте, учитывающем еще и меру ее несоответствия этому духу. Отличие же западной алхимии от ее эллинистического прошлого, подмеченное Цейтлиным, представляется верным, хотя арабские химики здесь не причем.